

Семья Иордановых

Валерий Поволяев

В этом роду имелись мореплаватели и пираты, дипломаты и врачи, военачальники и железнодорожные генералы...

...Он опоздал на несколько минут, извинился - жена не успела вовремя вернуть автомобиль, застряла где-то в пробке, потом случилась маленькая поломка - в общем для опоздания имелись причины, - достал из портфеля маленький ноутбук - переносной компьютер, - установил его на столе. Достал также несколько фотокарточек, в том числе одну в старой потертой рамке - снимок своего прадеда Павла Федоровича Иорданова, русского сенатора, городского головы Таганрога, дружившего с Чеховым, тыльную сторону фотоснимка украшала длинная надпись на французском языке, сделанная плотными, схожими с тушью чернилами.

Подружился Павел Иорданов с Антоном Чеховым еще в юные годы, разглядев в худощавом немногословном сыне владельца бакалейной лавки нечто приметное, особое, и не ошибся - приятель его очень скоро сделался литературной знаменитостью, но слава эта никак не отразилась на их отношениях. Чехов был прост в общении, как был прост и сам Иорданов, а что касается дружбы, то недаром говорят, что это понятие "круглосуточное", времени и климатическим воздействиям не подверженное.

Кстати, оба друга окончили один факультет - медицинский, стали практикующими врачами - так что Иорданова и Чехова роднили не только Таганрог и молодые годы, проведенные вместе, роднила и профессия.

Но вернемся к моему гостю. Встреча наша происходила в Бейруте. В городе, несмотря на то, что календарная весна еще только началась, установилась настоящая летняя жара (по российским, естественно, понятиям) - за тридцать градусов. Многие горожане спешно стремились переселиться в прохладные места, в горы или к морю. Но море от жары не спасало...

Александр Иорданов - прямой потомок знаменитых русских Иордановых. Впрочем, в роду этом было много чего намешано - и французская кровь, и греческая, и немецкая, - и от важного морехода Варваци, и французов Лакиер, и храброго русского офицера Генке, и многих других.

Жизнь - шутка многосюжетная, чего только не бывает в ней намешано, судьба Иордановых, наверное, типична для судеб многих русских эмигрантов первой волны.

О прадеде Александра Иорданова Павле Федоровиче речь уже шла, второй прадед Петр, родной брат Павла, был крупным чиновником, проходящим по ведомству путей сообщения, дед Александр Иорданов служил русским послом в Италии, затем - одним из руководителей нашего МИДа, после чего вернулся в Италию, сменил веру, стал католиком и шамбеланом у Папы Римского, второй дед Владимир - начальником железной дороги на Кавказе и, как и многие русские той поры, оказался в изгнании; как и бабушка Елена, окончившая курсы сестер милосердия и девчонкой отправившаяся на фронт... Тогда не то, что в нынешней России, к альтернативной службе около ночных горшков молодые люди не устремлялись с образованным воем, они шли на фронт защищать Россию, а ныне молодые двухметровые "гвардейцы" сплошь да рядом "косят", стараясь быть поближе к клистирным спринцовкам да к банкам с бабушкиными анализами... Тогда это считалось позорно. Девушки хоть и были причислены к госпиталям, а все равно оказывались на полях сражений.

Бабушка Лена была награждена золотой медалью "За усердие" и японской серебряной медалью... Когда у нее в 1917 году родился сын, названный Юрой, - отец моего нынешнего гостя, она покинула Россию и уехала за границу. Оставаться в России было опасно. Тем более что муж ее, инженер, офицер, награжденный за мужество на фронте многими боевыми орденами, был тесно связан с белым движением.

А тем, кто был связан с белыми, оставаться в России было опасно, да и вообще дворянином было быть опасно, за это легко можно было лишиться головы.

Разбросало русских людей по миру так широко и так обильно, что, когда вспоминаешь об этом, в тихой тоске начинает заходиться сердце, а горло невольно сжимает что-то слезное... Кстати, ныне происходит то же самое, что и восемьдесят лет назад: Россию тоже покидают русские люди. И ладно бы это были разные бандиты, украшенные "голдами" и тагуировками, жулики, набившие карманы чужими деньгами, - покидают страну лучшие умы, ученые, деятели культуры - высший "плодородный" слой, и это очень печально. Все повторяется, как и положено по законам истории, неповторяющихся "сюжетов" нет.

Попали Иордановы за границу и будто в длинный темный тоннель вошли; непонятно было, есть в конце тоннеля свет или нет.

С Россией фамилия Иордановых связана так же тесно, как фамилии Романовых, Голицыных, Рюриковых, Волконских, Толстых, их много, этих блестящих фамилий, и каждая из них оставила в российской истории свой след.

Немало фамилий - самых разных, порою неожиданных, пересекалось с фамилией Иордановых. Например, греки Варвацы.

Жила семья Варвацы на острове Псари. Фамилия ее вообще-то была не Варвацы, а Леонтидес, но на острове водилась редкая птица варвакия, которая манерами своими, повадками, "лицом", если, конечно, можно так выразиться, походила на Леонтидисов, и семью эту стали звать Варвакисами, а потом - скорее всего, это был уже итальянский вариант на русский лад, поскольку в России той поры было много итальянцев, - Варвацы. В историю России этот род вошел под фамилией Варвацы.

Про Ивана Варвацы недобрые люди говорили, что он - пират, хотя на двери стояли уже екатерининские времена, в которые пираты вообще перестали существовать, как "класс", но на чужой роток не накинешь платок. А если честно, Ивану Варвацы просто завидовали. Слишком удачлив он был в море, умел находить общий язык с лютыми штормами и огромными, в несколько этажей, волнами, умел брать хорошую добычу в местах, совершенно недобычливых, пустых, умел хорошо драться на саблях и стрелять из пистолета, и, когда Россия выступила против Блистательной Порты, как тогда именовалась Турецкая империя, притеснявшая и болгар, и греков, Варвацы снарядил большой корабль, вооружил его и присоединился к эскадре Алексея Орлова. Граф Орлов решил дать туркам большое морское сражение.

Вскоре они встретили в море турецкую эскадру - многочисленную (хотя русская тоже была не маленькой, но по количеству вымпелов и числу пушек уступала турецкой), с хорошим ходом, маневренную, готовую к бою, под командой опытного капитан-паши - адмирала, но турки боя не приняли, они быстро набрали скорость, оторвались от русских кораблей и под покровом ночи растворились в морском пространстве.

Эскадра графа Орлова двинулась следом - не для того она искала турок, чтобы не сделать ни одного выстрела. Капитан-паша привел тем временем эскадру в широкую тихую бухту и сошел на берег, передав управление эскадрой алжирцу Хасану.

- Русские здесь нас не найдут, - сказал он Хасану. - Выждем немного. Но русские нашли турецкую эскадру очень быстро - искать врага они умели не хуже, чем капитан-паша уходить от стычек и укрываться в тихих бухтах. Заякоривались турецкие суда, чтобы их не сносило течение и вообще не выбрасывало на берег, особым способом: один корабль, покрупнее, бросал в воду пару якорей, а остальные канатами, веревками, свитыми из прочного, как железо, сизаля, концами, укрепленными стальными нитями, цеплялись за заякорившиеся корабли. Считалось, что в момент опасности так можно будет скорее рассредоточиться и вообще сняться с места...

Эту скученность турецкого флота в бухте, то, что корабли были привязаны друг к другу, граф Орлов и решил использовать. Он велел поджечь несколько судов и направить их на турецкую эскадру. Одним из первых подпалил свой корабль грек Иван Варвацы.

Всего на турецкую эскадру пошли три горящих корабля. Варвацци сам стоял за штурвалом своего полыхающего судна...

Турки попытались обрубить канаты и уйти, но это им не удалось.

Половина турецкой эскадры была сожжена, вторая половина захвачена русскими моряками. Было взято в плен и много турецких мореходов...

Победа была блестящая, турки поспешили заключить мир. Но мир этот касался только России, Греции он не коснулся, поэтому Варвацци вскоре начали преследовать. Он решил переместиться в Россию, за которую так блестяще воевал, взял рекомендательное письмо у графа Орлова и отправился на судне в дальний путь.

При попытке пройти Босфор турки его задержали, конфисковали судно и бросили в тюрьму. Из тюрьмы Варвацци сумел убежать и скрыться в резиденции русского посла. Посол помог Варвацци тайком покинуть Константинополь.

Естественно, при аресте Варвацци потерял почти все, что имел, - кроме смены белья, письма Алексея Орлова к русской царице и флейты, на которой он вполне прилично играл.

Так он пересек пешком всю Россию, с юга до севера, до Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге он явился в рубище, с флейтой в руках - собственно, благодаря флейте он не умер с голоду, нехитрой самодельной дудочкой добывал себе хлеб.

В Санкт-Петербурге царицы не оказалось - на лето она переехала в Царское Село. Варвацци малость приодели - все-таки у него было письмо графа Орлова, и он отправился в Царское Село.

Там он трижды пытался добиться аудиенции у Екатерины, но все было бесполезно - его не пускали во дворец.

Наконец он однажды вечером, выпив браги в трактире и отяжелев, начал ругаться. К ругани его внимательно прислушивался один человек, потом он подошел к Варвацци и попросил:

- Поведай-ка мне свою историю от начала до конца.

Варвацци поведал.

Незнакомец выслушал его и сказал:

- Приходи завтра во дворец, царица примет тебя.

Так оно и получилось - охрана, едва увидев его, незамедлительно пропустила в помещение. Варвацци провели в рабочий кабинет Екатерины...

Потом выяснилось, что влиятельным знакомцем, так счастливо подвернувшимся под руку, был сам князь Потемкин. Потемкин снабдил Варвацци деньгами, подарил свой портрет, что было равносильно охранной грамоте, и Варвацци отбыл в Астрахань. Там он купил три рыболовецких судна, начал заниматься тем, что хорошо знал, - добычей рыбы. Но это оказалось для его широкой натуры делом мелким. Он стал строить мосты и колокольни, госпитали и жилые дома, он соединил широким двухкилометровым каналом, который действует и ныне, реку Кутум с Волгой. Был награжден двумя высокими российскими орденами и получил дворянство.

Из Астрахани Варвацци, когда здоровье его пошатнулось, переехал в Таганрог, там тоже много строил... Ивана Варвацци, хотя после смерти его прошло без малого двести лет, до сих пор вспоминают добрыми словами.

Семья Иордановых и Варвацци встретились и породнились в Таганроге. Жизнь текла в работе, в согласии и дружбе, пока землю российскую не начало трясти, будто игрушечный детский мячик. После гражданской войны многие русские, в том числе и Иордановы, уехали из России. Жили в Египте, в Леванте, как тогда про себя называли три страны, объединенные в одну, - Ливан, Сирию и Иорданию. Здесь, на Ближнем Востоке, родилась и мать Александра Иорданова Вера Михайловна, - в Египте, в кампе, лагере для бедных беженцев. Потом семья переселилась жить на Суэцкий канал, на баржу. Сам Александр Иорданов родился в 1955 году в Бейруте.

Будучи еще мальчишкой, он вместе с отцом облазил все здешние горы и доли, особенно богатую долину Бекаа. В долине часто охотились. Отец Иорданова был заядлым охотником. И дядя. И оба деда. Даже женщины, и те питали симпатию к охотничьим ружьям.

Отец Александра Юрий Иорданов сумел стать крупным инженером, написал несколько книг, во все свои поездки он обязательно брал с собою ружье. И, если удавалось, - сына.

Кроме книг, скажем так, технических, Юрий Иорданов написал и книгу документальных рассказов об охоте. Там есть рассказы и о Саше - сыне.

Ружье Саше Иорданову досталось от старшего брата, который уехал учиться в Швейцарию. В долине Бекаа всегда было много дичи - утки, дрозды, фазаны, вальдшнепы, попадались даже гуси. А перепелов... перепелов тут было целое море. Зайцев, этих косоглазых "жиртрестов", тоже было море. Вылазки на охоту маленький Саня Иорданов очень любил - во-первых, пострелять можно вволю, во-вторых, порулить на машине, поскольку в ровной безопасной долине ему разрешали садиться за руль.

Как-то в жару дед Володя решил напоить собаку - добродушного охотничьего пса Брема в реке Литани. Нахр Литани - река норовистая, с бурным течением в тех местах, и высокими, подмытыми водой берегами.

Брем не удержался на берегу и сполз вместе с землей в воду. Дед Володя кинулся его спасать и тоже очутился в воде. Несмотря на свое героическое прошлое и подвиги во время Первой мировой войны, дед Володя не умел плавать. Его все глубже и глубже затягивало в воду. Брем тоже крутило в воронке. Хорошо, глазастый Саша усмотрел: а где же дед? Вроде бы пошел напоить собаку, это минутное дело, но прошло уже десять минут, а его все нет и нет. Саша кинулся к реке. Если бы не он - дед Володя явно бы утонул. И Брем утонул бы. Это совершенно точно.

Но ничего - пронесло. И таких приключений у Саши Иорданова было много, если не на книгу, то на полкниги хватит.

В восемнадцать лет Александр Иорданов поступил в техническую школу, окончил ее и стал специалистом по телекоммуникациям, работал за рубежом, а в пору жестоких боев в Ливане, где вспыхнула война, вернулся домой. Двадцатого августа 1985 года в дом, где жили Иордановы, влетел снаряд. Александр Иорданов был тяжело ранен.

Год он пролежал в госпитале - там вроде бы оклемался, вот только нога, сильно поврежденная в колене, перестала сгибаться. В госпитале, пока лежал, он познакомился с симпатичной девушкой-физиотерапевтом Марией-Терезой, она здорово помогла ему разработать ногу. Когда Иорданов вознамерился поехать в Париж, к тамошним хваленным светилам, она взялась сопровождать его.

Вскоре Мария-Тереза стала женой Александра Иорданова. Вера Михайловна, Сашина мама, подарила ей книгу на русском языке. Чтобы прочитать ее, Мария-Тереза выучила русский язык.

Сейчас у четы Иордановых двое детей - двенадцатилетний Петя и десятилетняя Надя. С детьми родители дома разговаривают на трех языках - русском (вначале было только на русском), французском и арабском, всеми тремя языками в этом доме владеют в равной степени. Звучит тут и английская речь - детей в школе обучили и этому языку.

Хоть и стали Иордановы здесь, на Ближнем Востоке своими, а все-таки Россия - неухоженная, разбитая, корявая, со своими бедами и заботами, была и остается родной. Что-то есть в ней такое, что никак не позволяет оторваться от нее, как бы ни были велики обиды, нанесенные Иордановым далекой Родиной.

Это и прошлое, и горький воздух Таганрога, пахнувший солью, рыбой, морем и горелой листвой ранней весны, когда горожане в садах сгребают мусор в кучки и сжигают его, это дух знаменитой таганрогской библиотеки, собранной стараниями двух великих земляков - Чехова и Иорданова.

На берегу Азова высится величественный памятник Петру Первому, появившийся также благодаря Павлу Иорданову - городскому голове. Автор памятника - знаменитый скульптор М. Антокольский. Петр изображен на памятнике в форме офицера Преображен-

ского полка, грозный, пронизательный, с резко вскинутой тяжелой головой. Чехов сам ездил в Париж к Антокольскому, чтобы договориться об этой работе. Антокольский дал согласие, более того, пообещал, что все хлопоты по отливке статуи также возьмет на себя.

Впоследствии Чехов написал Иорданову: "Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уже о том, что статуя изображает настоящего царя".

Кстати, Антокольский слово свое сдержал - памятник был отлит в Париже, в мастерских братьев Тибо.

Все это находится там, в России, и все это дорого семье Иордановых...

ЦГТБ имени А. П. Чехова